

Колесомольская правда
18.1.58.

Жизнь без прикрас

Пожалуй, самое примечательное в этом спектакле — зрительный зал. Зал, постоянно прикованный к сцене, чутко внимающий слову автора, всегда готовый вознаградить актеров дружным смехом, горячими рукоплесканиями, взволнованной тишиной...

«Дали неоглядные...»
Н. Вирты в театре
имени Моссовета

«Дали неоглядные...», как и всякий спектакль, имеет стороны сильные и стороны слабые. Но нельзя не оценить его общего значения, нельзя не почувствовать, что это спектакль принципиальный. Он принципиален для Н. Вирты, после ряда холодных, расчетливых однодневок создавшего «песю жизни»; для Ю. Завадского, совсем по-новому, по-своему выявившего в этом спектакле свой талант; для театра имени Моссовета, долго и мучительно искавшего последние годы, как сказать свое слово в искусстве. Театр явно предпочитает в «Далях» суровость — сусальности, правду — прикрашенности, отбор — пестроту. Не прекрасные грезы о жизни, а ее самое, с радостями и трудностями, показал в своем новом спектакле театр. Вспоминаются слова Маяковского: «День наш тем и хорош, что труден», которые могли бы служить эпиграфом к этой постановке.

Казалось бы, ничего принципиально нового не содержит в себе история запущенного колхоза, куда прислали толкового председателя, и дело наконец-то сдвинулось с мертвой точки. Но в том, как преподнесена эта история автором, многое ново. Истинность происходящего в пьесе, «узнаваемость» мыслей и чувств героев, не подчиненных драматургическим канонам, волнует, захватывает зрительный зал.

Агронома Хижнякова послали в отсталый колхоз председателем. Узнав эту новость, он, интеллигентный человек, коммунист, растерялся поначалу. И правда, нелегко в 45 лет ломать жизнь, расставаться с женой, не пожелавшей следовать за мужем, брать в руки разваленный колхоз, где к тому же его, Хижнякова, не принимают, где спрашивают с ехидцей: «Это за какие же провинности вас к нам сослали?»

Такая правдивость во всей пьесе. Женщина вдовит восьмой год; трудно, когда в доме нет мужчины, одиночество точит сердце, годы уходят — это понятно каждому. Другая женщина, хорошая, смелая, жестоко мается с пьяницей-мужем — это не может не вызвать сочувствия. Талантливый механик работает курьером: не захотел поставить литр председателю-взяточнику и бороться с ним не решился — не такие были тогда порядки в колхозе, а у него, у механика, куча детей. Разве так не бывает? Бывает. Секретарь райкома, партийный руководитель, столкнувшись с трудным, твердит задумчиво: «Не знаю... Не знаю...» — и это снова понятно всем.

А над этой картиной сложностей, нерешенных вопросов, борьбы встает неотвратимо и четко то главное, ради чего писал пьесу Вирта, ради чего ее ставил театр, — красота исполненного партийного долга, атмосфера советской жизни, духовный подъем, охвативший эту деревню, как только почувствовала она настоящую, не показную заботу о людях колхоза, об их повседневных нуждах. И хотя в финале конфликт далеко не исчерпан и трудного впереди будет много, важно, что люди стали другими, что перед ними и в самом деле раскрылись неоглядные дали.

А какой прекрасный русский язык, какое сочное, меткое слово, как кстати пришлись в этой пьесе полноточия «лица от автора»!

Конечно, нельзя не пожалеть о том, что произведение временами теряет стройность, что обрываются чьи-то судьбы (агроном Кедрин — яркий тому пример), что с мальчиком Андрюшей (как ни мило играет его Саша Ленюков) в пьесу вторгается сентиментальность, а в монологах автора порой сквозит риторика. Но главное сделано. Вместе с этим

спектаклем современность пришла на сцену театра имени Моссовета и оказалась куда увлекательнее, чем история заливчатой мадам Сан-Жен, еще недавно устаревшая театр.

О режиссере Ю. Завадском всегда говорили: изящество, лирика, филигранность, отделка. Смотря «Дали», хочется сказать и это и другое: мужество, лаконизм, достоверность. Однако к спектаклю не подходит выражение «просто, как в жизни». Спектакль правдив во всем и в то же время открыто театрален.

Тут очень многое зависело от художника. Может быть, весь стиль спектакля задан декорациями А. Васильева, скупыми и условными, найденными удивительно точно: открытый горизонт, заливающий сцену светом и воздухом, на занавесе — виды русской деревни с ее бурей снегами и одинокой фигурой женщины с коромыслом; а на самой сцене — то пара заиндевелших березок, то горбатый мостик через речку-ручеек, то простой стол правления колхоза, то солдатски заправленная кровать Хижнякова.

Актерское исполнение в «Далях» отмечено тем же высоким одушевлением, что и работа режиссера и художника. Чего стоит, например, Стрешнев — «Отрицатель» (Б. Новиков) с его исконным крестьянским лукавством, с его невозмутимостью деревенского философа и с худю до скрываемой болью за колхоз, проглядывающей в речах этого критикана в кавычках. Или «Утвердитель» (Г. Слабиняк) с его партийным и мудрым отношением к жизни. Или зло очерченные, ловко маскирующиеся враги Хижнякова: местный бюрократ Астахов (С. Годза), навивчающий жулик Степкин (Н. Парфенов), политический фразер Попов (А. Зубов). Или Н. Бутова, нащупавшая в роли мешанки Валерии живое чувство, сумевшая сделать стандартное нестандартным.

И жалко, что этот стройный хор иногда нарушается — то из-за грубоватости, с которой А. Севастьянова играет спекулянтку Марфу; то из-за того, что Т. Чернова в роли Насти слишком уж стремится подчеркнуть обаяние героини; то из-за того, что в сцене свидания Насти и Ефима (М. Львов) режиссеру несколько изменяет вкус; то из-за сцены гулянки, неожиданно нарушающей своей цветистостью строгий стиль спектакля.

Подробно очерченных ролей в спектакле три: автор — Р. Плятт, секретарь райкома Ракитина — В. Марецкая и, разумеется, Хижняков — А. Дубов.

В том, что роль автора поручена Р. Плятту, актеру думающему и тонкому, — прямой и непосредственный выигрыш спектакля. Именно Плятт, как это понятно теперь, перекинул мостик между сценой, предоставленной людям в зипунах и платочках, и столичным зрительным залом. Автор в интерпретации Плятта — не только автор, но еще и совесть этого спектакля, представитель театра, выражающий его отношение к материалу пьесы.

В. Марецкая своим исполнением роли Ракитиной еще раз доказала, что она — актриса народная, что ее сфера — современная жизнь. Ракитина Марецкой — женственна, мягка, подчас лукава, люди верят ей, потому что она сама искренне увлечена делом, готова, если надо, отдать ему жизнь. Тонкими штрихами рисует актриса запоздалое, осеннее, подернутое грустью чувство Ракитиной к Хижнякову; здесь у Марецкой есть минуты удивительные...

Центральную роль — Хижнякова — играет А. Дубов. Актер правдив и достоверен во всем, но в его исполнении нет «искры божьей», того воропаевского «витамина», который, по мысли автора, и помог подняться на ноги захудалому колхозу. Хижнякову, каков он сейчас в спектакле, не хватает какого-то человеческого таланта, так свойственного в жизни коммунисту большого масштаба, подлинному герою нашего времени...

Театр сделал большое дело, доказав лишний раз, что правдивое слово, рассказ о жизни всегда найдут отклик в зрительном зале, идет ли речь о городе или деревне, о научном институте или о буднях самого обыкновенного колхоза.

З. ВЛАДИМИРОВА.